

Galina LIKHACHEVA-RYBOKONENKO
Teacher by vocation.
Marina Dyakova

Галина ЛИХАЧЕВА-РЫБОКОНЕНКО
Педагог по призванию.
М. Г. Дьякова

The article presents the school and conservatory memories of Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, the veteran piano teacher of St. Petersburg M. G. Dyakova (Ivanova-Bronnikova).

Keywords: M. G. Dyakova, the Bronnikovs and the Dyakovs, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Воспоминания Марины Георгиевны Дьяковой (Ивановой-Бронниковой) — Заслуженного работника культуры Российской Федерации, старейшего петербургского педагога по классу фортепиано — о годах обучения в школе-десятилетке и Ленинградской консерватории.

Ключевые слова: М. Г. Дьякова, семья Бронниковых — Дьяковых, школа-десятилетка Ленинградской консерватории.

Главное — это, конечно, сама музыка, потому что музыка и вдохновляет, и помогает в работе и в жизни. Я свою работу очень люблю, люблю свою школу, как некое живое существо. И память о детях, которые учились у меня, осталась на всю жизнь.

Марина Георгиевна Дьякова (Иванова-Бронникова)

В минувшем году свое 90-летие праздновала Марина Георгиевна Дьякова — замечательный музыкант, прекрасный педагог, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Шестьдесят девять лет творческой жизни Марина Георгиевна подарила школе имени Е. А. Мравинского и продолжает преподавать по сей день.

Деятельность Марины Георгиевны значима не только для школы имени Е. А. Мравинского, но и для всего петербургского детского музыкального образования. Как музыкант она продолжила семейную традицию — ведь прадед Марины Георгиевны, известный оперный тенор Павел Константинович Бронников (1844–1919), был в числе первых профессоров Санкт-Петербургской консерватории. Среди учеников Бронникова — знаменитый русский певец И. П. Прянишников. А сегодня уже пятое поколение этой замечательной музыкальной династии представляет дочь Марины Георгиевны, Елена Константиновна Дьякова — один из лучших концертмейстеров Петербурга, ведущая концертную деятельность в России и за рубежом. Давняя музыкальная история семьи Марины Георгиевны заслуживает особого внимания.

Марина Георгиевна Дьякова вспоминает:

Мой дед, Дмитрий Павлович Бронников, унаследовал от своего отца большие музыкальные способности, но, так как в прежнее время мальчик из дворянской семьи должен был получить серьезное образование, родители отдали Дмитрия в Морской корпус Петра Великого, старейшее учебное заведение России. Любовь к музыке привела его в Петербургскую консерваторию, которую он окончил по классу композиции у профессора Н. Ф. Соловьева. В Консерватории Дмитрий Бронников сдружился с Александром Константиновичем Глазуновым, который стал бывать в доме Бронниковых, где они совместно музицировали. У Дмитрия Павловича было пятеро детей, очень талантливых и разносторонне образованных, но так как мой дед внезапно умер тридцати девяти лет, оставив молодую вдову и пятерых сирот, то все дети имели тяжелую и трудную судьбу. Родители Д. П. Бронникова оплатили блестящее образование пятерых внуков, но вдове не помогали. Старший, Михаил, окончил Александровский Царскосельский лицей в последнем выпуске 1917 года. Он был блестящий литера-

тор и переводчик (участник студии М. Л. Лозинского), писал стихи. Его арестовали в 1932 году и в начале войны расстреляли.

Лев Дмитриевич Бронников был военный. Он закончил Николаевское кавалерийское училище, где когда-то учился Михаил Юрьевич Лермонтов, а позже — Военно-медицинскую академию. Лев Дмитриевич стал крупным хирургом и геройски погиб в 1942 году.

Дружескую поддержку нашей семье оказал А. К. Глазунов: он принял младших детей, Александра и Надежду, в Петербургскую консерваторию. В музыкальной школе они не учились, а занимались у частных педагогов. Оба имели прекрасные музыкальные способности. Александра Глазунов определил к профессору О. К. Калантаровой. По окончании Консерватории Александр Дмитриевич преподавал фортепиано в училище для взрослых. Он много работал с певцами как концертмейстер. И. С. Козловский, когда приезжал в Ленинград, любил работать с Александром Дмитриевичем, и я помню, как в одно из его посещений сидела у него на коле-

Детская группа Консерватории. 15 января 1935 года. Нижний ряд, слева направо: Женя Сизова, Мила Хайс, Марута Кубацкая, Игорь Чичагов, Марина Бронникова, Галя Федорова, Гриша Басс, Женя Терегин. Второго ряда, слева направо: Ю. А. Мирский; пятого слева — П. Ф. Линде; далее Л. В. Николаев, Л. Л. Штрейхер, И. А. Зелихман, И. Р. Налбандян; предпоследний справа — И. З. Шварц, за ним С. И. Савшинский. Третьего ряда, слева направо: вторая слева — Сара Качаловская, далее Галя Архангельская, М. О. Штейнберг, Маргарита Хейфец, В. С. Бухштейн (директор Консерватории), Боря Левит, Яша Вильниц, Сеня Морочник, Жорж (Георгий) Сараджев; Слава (Флавий) Соколов, Виссарион Слоним, Мотя Дреер. Четвертого ряда, слева направо: Ира Лагунова; третья слева — Мэри Альбрехт; далее А. А. Невский (директор Особой детской группы), Ната Левина, Кира Пашкевич, Лена Шматко. Пятого ряда: третий слева — Яков Бабель; пятый слева — Боря Городницкий

нях и играла цепочкой от его часов. В сентябре 1941 года Александр Дмитриевич, имея белый билет, ушел в ополчение и погиб под Пулковскими Высотами.

Младшую дочь Дмитрия Павловича, Надежду, Глазнов определил в класс В. И. Скрябиной, которая через год умерла. Надежду перевели в класс к профессору Л. В. Николаеву. Там она подружилась с Вовой Софроницким и Лялей Скрябиной. Дружба их продолжалась много лет. По окончании Консерватории Надежда Дмитриевна поступила на работу в Радиокомитет, где и проработала всю жизнь. Во время войны Надежда Дмитриевна с мужем, дирижером К. И. Элиасбергом, остались в осажденном Ленинграде. Она продолжала играть в камерных ансамблях, работать с солистами и в оркестре. 9 августа 1942 года в блокадном Ленинграде состоялось легендарное исполнение Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Оркестром дирижировал К. И. Элиасберг, Надежда Дмитриевна исполняла партию рояля.

Мама моя, Татьяна Дмитриевна, закончила Институт благородных девиц в мае 1914 года, а в июле началась война. После института она решила пойти на курсы иностранных языков (они назывались «Женские педагогические курсы новых языков М. А. Лохвицкой-Скалон»).

Она училась блестяще и окончила курсы в 1917 году. Несколько позже мама поступила в Академию художеств, где занималась у профессоров П. П. Чистякова и А. А. Рылова два года. После выпуска моя мама должна была работать, чтобы помочь семье. Ее распределили преподавать в Стрельнинскую школу, располагавшуюся в Константиновском дворце. Там мама познакомилась с моим отцом, Георгием Ивановичем Ивановым, который уже учительствовал в этой школе. Мой отец был очень музыкальным человеком. Он имел абсолютный слух и неплохо играл на скрипке. В дальнейшем я ему часто аккомпанировала. У папы была прекрасная коллекция граммофонных пластинок, и я с детства слушала музыку в исполнении знаменитых скрипачей.

Стрельна того времени еще продолжала жить интересной культурной жизнью. Устраивались представления, балетные спектакли. Так как мама училась четыре года у балетмейстера А. И. Чекрыгина (в его частной школе), она вела три балетных группы — старшую, среднюю и младшую. Я тоже с детства танцевала, но затем решила оставить танцы и серьезно заняться роялем. Я влюбилась в этот инструмент и захотела учиться играть на нем. В Стрельне была единственная учительница фортепиано, Серафима Николаевна, которая через две

Класс П. Ф. Линде. Весна 1938 года.
Нижний ряд, слева направо: Марина Иванова-Бронникова, Валентин Корчагин, Андрей Курнавин.
Верхний ряд, слева направо: Юрий Федотов, Яков Бабель, Игорь Чичагов

недели после начала занятий со мной сказала маме, что научила меня всему, чему могла, и посоветовала взять меня на учебу в город. Родные желали видеть меня балериной, а не пианисткой. И все же мама повезла меня в Консерваторию. Это был январь 1933 года: лютая зима, голод. В коридоре Консерватории мама встретила Николая Васильевича Бертенсона, друга семьи, ассистента О. К. Калантаровой (у нее же учился Александр Дмитриевич, младший брат моей мамы). Николай Васильевич повел меня в класс № 3, где за роялем сидела полная седая дама. «Ну, это Бронникова! — воскликнула Ольга Калантаровна, — Беленькая, голубоглазая — конечно же, Бронникова! Ты гамму сыграть можешь?» Я сказала, что смогу спеть, и спела ее, по словам Калантаровой, «как пробкой по стеклу». Профессор проверила слух, чувство ритма и сказала, что меня необходимо учить, но она с такими маленькими не занимается (мне было всего семь лет). Ольга Калантаровна посоветовала подойти к Лине (Паулине) Федоровне Линде, последней ученице Ф. М. Блуменфельда. Мама повела меня к Линде, в класс № 15 (с двумя роялями). Я испугалась внешности Лины Федоровны — маленькой, суховатой, с пронзительными глазами. Она попросила подождать,

а другие дети, находящиеся в этом же классе, в это время лихо играли гаммы. Родители учеников, присутствующие в классе, приняли нас холодно, так как их дети были хорошо подготовлены. Они занимались в Особой детской группе: впоследствии она приобрела статус специальной музыкальной школы-десятилетки. Школа была организована при содействии С. М. Кирова, который очень заботился о детях. Он отдал приказ, чтобы в Консерваторию принимали младших учеников.

Первые три года я училась у Лины Федоровны в Консерватории, а общеобразовательную школу посещала на Фонтанке. Школа проводила концерты, зал был переполнен слушателями со всего города: детские концерты очень любили и ценили. Когда я закончила третий класс, была организована специальная музыкальная школа-десятилетка при Консерватории, но здания не было, и мы учились в Капелле. Там мое обучение продлилось два года — четвертый и пятый классы. И в 1938 году десятилетке дали здание. Ученики старались пройти все в классе, чтобы дома посвящать время музыке, и за успехи получали большую стипендию. Я училась сразу в двух классах: фортепиано и композиция. Восьмой класс я закончила 12 июня 1941 года, Калантарова поставила мне пятерку. А 22 июня началась война. Через неделю, ранним утром, нас с мамой эвакуировали. Все произошло так внезапно, что папа еле успел проводить нас. У него уже был непризывной возраст, но он записался в Стрельне в народное ополчение со своими старшими учениками. Последнее письмо от папы мы получили с учительницей, которая вывозила младших детей. Его старшие ученики остались в Стрельне, они похоронили папу.

Сначала мы с мамой попали в деревню Ярославской области, а через некоторое время Консерваторию стали эвакуировать в Ташкент. Поначалу нас не выпускали, но в конце сентября 1941 года мы с трудом добрались в Ташкент. Страшно тяжелая была дорога. Сначала доехали до Рыбинска. Там, на пристани, стояли огромные очереди к пароходам. Нам дали каюту на четверых на пароходе «Ломоносов». У знакомой мамы, студентки Консерватории, с которой мы ехали на пароходе, оказалась родственница-железнодорожница, и у нее была маленькая комната в Куйбышеве. Она приютила нас: тогда все помогали друг другу. Мы прожили там пять дней, потому что попросту не могли уехать. Многие семьи спали прямо на полу вокзала, ожидая мест на поезд в Ташкент. Когда мы оказались в этой огромной очереди, один добрый человек спросил у мамы: «Ваша девочка учится? Она пионерка? Наденьте ей пионерский галстук, это ей поможет получить билеты». Так мы достали два последних билета на поезд и были счастливы. Поездка выдалась очень тяжелой. Мест не было, ехали двенадцать суток с огромными остановками на каждой станции. Приходилось бегать за похлебкой. Однажды, побежав купить еды, мы с соседом едва не опоздали, успев залезть в последний вагон. Родные чуть с ума не сошли.

Спустя двенадцать суток мы прибыли в Ташкент. Мама выяснила адрес Консерватории — улица Пролетарская, 10, и мы поехали туда на трамвае через весь город. Нас приняли и разместили в здании клуба швейников, которое отдали местные власти. Спустя три дня меня зачислили в интернат, а маме оказалось негде жить. Она нашла комнату, почти непригодную для жилья, зато неподалеку от места моего проживания. Три дня питались хорошо, а на четвертый ввели карточки. Жили в полной нищете, вещей взяли совсем немного, поскольку накануне выезда из Ленинграда никто и представить не мог, что уезжает не на месяц-два, а на три года. Я носила маме из интерната еду, самой большой ценностью тогда был хлеб.

Во время войны всех — учеников и педагогов — посылали в колхозы работать на 20–25 дней. С весны до осени мы не учились —

ездили в колхозы то букашек собирать, то хлопок. Самым страшным был сбор хлопка, поскольку существовали нормативы — 16 килограммов. Я справлялась, а мама нет, а если соберешь больше 16 килограммов, то давали пол-литра молока. И я собирала свой хлопок, а потом еще и мамин ради молока.

Мы провели в Ташкенте три года. В сентябре 1944 года началась эвакуация Ленинградской консерватории. П. А. Серебряков, директор Консерватории, с большим трудом получил разрешение из Москвы на выезд, и мы вернулись в Ленинград. Моя учительница, Лина Федоровна Линде, не поехала в Ташкент и погибла в Ленинграде. Поскольку я осталась без педагога, мама хотела, чтобы я училась у Л. В. Николаева, но его класс был переполнен. Николаев отправил меня к Вере Харитоновне Разумовской, своей бывшей ученице, которая сразу взяла меня к себе в девятый класс; остальные ее ученики были уже студентами Консерватории. Как-то раз она позвала их ко мне на урок, сказав: «Ну-ка, послушайте-ка, как у этой девочки поет рояль!». Мы занимались с небывалым подъемом. Особенно запомнился мне выпускной экзамен в десятилетке, где я играла первую часть Концерта Шопена e-moll. Я училась у Веры Харитоновны пять лет, но Разумовская тяжело заболела, и в 1946 году, когда я была уже студенткой четвертого курса Консерватории, мне пришлось перейти в класс профессора Н. И. Голубовской, у которой я и закончила Консерваторию. Четвертый курс я повторила, прочувшись в Консерватории не пять, а шесть лет, поскольку у Голубовской мне осталось учиться всего один год, а для выпуска этого было недостаточно, и мне дали возможность еще год поработать с педагогом.

Когда мы с мамой вернулись в Ленинград, жить нам оказалось негде. Папа и трое маминых братьев погибли, дом в Стрельне сгорел, комната в Ленинграде была занята. Мне прислали бумагу, что за мной осталась земля в Стрельне, на которой я могу построить себе дом, но я, естественно, этого физически сделать никак не могла. Тогда тетя посоветовала отказаться от земли. Надежда Дмитриевна не могла взять нас к себе, поскольку они жили в казенном доме при Филармонии. Она смогла дать мне приют только тогда, когда маму положили в больницу. Нас приютила мамина подруга, у которой мы прожили три месяца. Я в это время стала хлопотать о получении жилплощади. Нуждающихся тогда было очень много, и выстраивались огромные очереди на получение жилья. В ожидании распределения я три дня просидела на каменных ступенях лестницы. Мне дали ордер-бумагу на три смотровых. Мы с мамочкой — она тогда еще могла ходить — пошли их осматривать. Первая оказалась чем-то вроде конюшни, где пол был скован льдом и не было водопровода. Вторая была еще хуже, а третья комнатка находилась в четырехкомнатной квартире. Мы согласились на нее, ведь другого выхода у нас не было. Мама тяжело заболела, и ее положили в больницу, а у меня украли карточки. С едой помогала тетя, урезая из своего пайка, но этого, конечно, было мало.

Работать я пошла с четвертого курса, в 1947 году. Этому как раз способствовало то, что я осталась учиться второй год. Работу было найти очень трудно, рабочих мест почти не было, поскольку люди после войны возвращались со всех уголков страны и всем нужно было работать. И тогда завуч музыкальной школы Московского района вспомнил про Лину Федоровну Линде и ее ученицу Марину Бронникову и разыскал меня в городе через общих знакомых. Он меня вызвал, предложил работу — школе нужен был педагог. Н. Н. Сергеев, бывший фронтовик, замечательный директор, сумел поднять средний уровень музыкальной подготовки в школе до высокопрофессионального. В ней я была самым молодым, двадцатидолетним, педагогом. Школа тогда находилась неподалеку от Московских ворот, и я поехала в нее на трамвае через весь город. Был сентябрь, холод, промозглый ветер. Я приехала в такую даль и с горечью подумала: «Куда же я попала...». Отыскала школу, поднялась по лестнице на второй этаж и пришла к завучу, А. А. Самойлову. А он был такой добрый, ласковый, он меня с детства знал и, конечно же, уговорил меня попробовать начать работать. И я согласилась, и работаю там по сию пору. В школе меня сразу полюбили, и у меня появились первые ученики. Спустя долгие годы я продолжаю поддерживать с ними дружеские отношения.

Когда параллельно с работой в школе я заканчивала Консерваторию, мне дали небольшой отпуск. Старшие педагоги из музыкальной школы, хорошие друзья, ничего не сказав, пришли на мой утренний выпускной экзамен. Выпуск состоял из двух частей. Сольное выступление включало Прелюдию, хорал и фугу Франка, Сонату № 23 Бетховена, Сонату № 3 Прокофьева и две прелюдии Рахманинова. Через день, поздно вечером, я играла Концерт Шопена f-moll, I часть, с Н. И. Голубовской в Малом зале Консерватории. Мы играли при большом составе комиссии, я была последней. Отыграв, спросила у Надежды Иосифовны, как я играла, поскольку от волнения ничего не помнила. Она ответила, что ничего не знает, поскольку тоже очень переживала за меня. А выпускники с педагогами уже разошлись по домам, я осталась одна в артистической. Вдруг вбегает профессор В. В. Нильсен и говорит мне, что на концерте я играла совершенно иначе, чем на репетиции, что это по сравнению с репетицией — «небо и земля». Все педагоги в комиссии поставили мне пятерки, а Надежда Иосифовна сказала, что мы идем в аспирантуру. Меня единственную на всем курсе пригласили туда, хотя со мной учились сталинские стипендиаты, очень талантливые ребята. Тогда аспирантура в моем представлении была чем-то выдающимся, я никак не рассчитывала туда поступить. Кроме того, у меня была тройка по политэкономии. Голубовская сказала, что я все пересдам, но я ответила, что не могу — у меня есть работа, и мне надо зарабатывать на жизнь: я бы не выдержала такой нагрузки. И я продолжила работать в школе. Детей я старалась не только музыке учить, но и воспитывать, и всегда призывала любить звук — это мое кредо.

В первые годы работы я познакомилась со своим будущим мужем, Константином Николаевичем Дьяковым. Мой муж к музыке не имел отношения. Он прошел войну, закончил институт железнодорожного транспорта и работал там профессором, заведующим кафедрой и проректором. Он был человеком очень одаренным, быстро продвигался по службе: блестяще окончил институт, потом аспирантуру. За пять лет работы по специальности ему выделили хорошую комнату, где и стала жить наша семья с маленькой дочерью. Когда Леночке исполнилось пять лет, она поступила в дошкольную группу в нашу специальную музыкальную школу-десятилетку

в класс Т. Б. Румшевич, которая во время моей учебы была ассистентом Л. Ф. Линде. Дочь закончила нашу школу, поступила в Ленинградскую консерваторию в класс Р. М. Лебедева, а позднее перешла к профессору Н. Е. Перельману. На последнем курсе дочь поступила на работу в музыкальную школу Московского района, где работала концертмейстером в классе скрипки у Л. А. Иващенко. Через пять лет вместе с классом Иващенко она перешла на работу в десятилетку, где и работает как педагог камерного ансамбля и концертмейстер. А с 1990 года совмещает с преподаванием в десятилетке концертмейстерскую работу в Консерватории.

Марина Георгиевна Дьякова воспитала целую плеяду пианистов, многие из которых достигли профессиональных высот. Она и сегодня щедро делится своими знаниями и богатым опытом. Для коллег и учеников Марина Георгиевна олицетворяет те высокие качества, которые во все времена были присущи мастерам ленинградской-петербургской фортепианной школы.

Любовь к людям, детям и своей профессии — вот главный секрет ее жизненного и творческого долголетия. За почти семь десятилетий работы Марины Георгиевны в школе из ее класса вышло несколько поколений профессиональных музыкантов и истинных любителей музыки. Некоторые из них стали лауреатами международных конкурсов, другие выбрали преподавательскую деятельность, продолжив дело, которому Марина Георгиевна Дьякова бескорыстно и преданно служит всю свою жизнь.

Alla KENIGSBURG The school memories

The article presents the school memories of Alla Kenigsberg (Doctor of Arts, Professor of the St. Petersburg Conservatory, Honored worker of higher school of the Russian Federation). Alla Kenigsberg tells about the school lessons, the first teachers and pupils, the evacuation to Tashkent and her life during the war.
Keywords: A. K. Kenigsberg, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, O. K. Kalantarova, I. M. Renzin, The Great Patriotic War, evacuation, Tashkent.

Алла КЕНИГСБЕРГ Воспоминания о школе

Воспоминания о школьных годах доктора искусствоведения, профессора Санкт-Петербургской консерватории, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации А. К. Кенигсберг. Алла Константиновна рассказывает о занятиях в школе-десятилетке, об эвакуации школы в Ташкент и ее жизни в военные годы, о преподавателях, стоявших у истоков школы, и своих соучениках.
Ключевые слова: А. К. Кенигсберг, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, О. К. Калантарова, И. М. Рензин, Великая отечественная война, эвакуация, Ташкент.

Анастасия Логунова. Алла Константиновна, расскажите, как Вы стали ученицей десятилетки?

Алла Кенигсберг. Сначала я занималась частным образом. У отца был абсолютный слух, но он не знал нот. Так получилось, что у меня тоже оказался абсолютный слух, и родители очень хотели, чтобы я училась музыке. Сначала я занималась фортепиано у Саатчян Татья-

ны Александровны, потом поступила в музыкальную школу-семилетку. И тут началась война. Мы эвакуировались — сперва под Ленинград. Когда выяснилось, что школа-десятилетка едет в Ташкент, я перешла в десятилетку, и мы с мамой уехали вместе со школой. Это был третий или даже пятый класс — по-видимому, требования школы не представляли для меня особенных труд-